

1. Лодка на аллеях парка

Представьте себе, что ранним утром вы сидите в вертолете, который только что оторвался от земли. Вы взлетаете над городом. Неподалеку раскинулся большой парк. Вы зависаете над центром парка и внимательно разглядываете его. Там, внизу, под вами видны зеленые газоны, ухоженные рощицы и непроходимые заросли кустарников, маленькие озерца и целая сеть широких асфальтированных аллей, от которых разбегаются более узкие, посыпанные гравием тропинки, тут и там извивающиеся под деревьями. Вдоль широких аллей стоят садовые скамейки для отдыха. Клумбы с цветами радуют глаз. Однако сейчас раннее утро, и парк внизу пустынен и тих.

Но вот появляются первые люди. Они быстро входят в парк по самым широким аллеям и торопливо проходят насквозь кратчайшим путем. За ними следуют новые посетители; понемногу публика прибывает и сливается в ровный поток. Большинство продолжает двигаться по широким асфальтовым аллеям, но некоторые сворачивают на боковые тропинки, под деревья, где на некоторое время пропадают из виду.

Попадают и такие, что бредут, спотыкаясь, не разбирая дороги, топчутся прямо по клумбам. Вот опять появляются прохожие, предпочитающие идти по асфальту. Скамейки заполняются отдыхающими; вскоре образуется очередь из желающих посидеть на лавочке. А кое-где некоторые граждане покидают и широкие аллеи, и узкие тропинки и лезут напролом через заросли кустарника.

Большинство из них пропадают из виду и больше не показываются, но отдельные упрямцы все же ухитряются пробиться и выныривают на изрядном расстоянии по другую сторону кустарника, ободравшись и исцарапавшись в кровь об острые ветки шиповника. День проходит, и людской поток, нараставший вначале, становится теперь все меньше. Большинство пришедших в парк в сумерки придерживаются широких асфальтовых аллей и движутся по тропинкам в ожидании наступающей темноты. Наконец вам видны только светящиеся огни полицейских машин, а все, кто в течение дня пропал из виду и затерялся, так и остаются невидимыми. Когда тьма окончательно поглощает парк, он кажется полностью опустевшим. Можно оставить наблюдательный пост и вернуться домой.

На следующий день вы снова садитесь в вертолет, но па этот раз полет проходит над морем. Вы удаляетесь от берега настолько, что земля исчезает вдаль, и со всех сторон горизонта — только вода. Вновь вы зависаете, выбрав подходящее для наблюдения место. Под вами сверкает море, и единственное, что вы видите, — легкая рябь на воде от небольшого ветерка да буруны над подводными рифами. Через некоторое время на горизонте появляются несколько судов. Они

медленно ползут по зеркальной поверхности, проходят под вами и снова пропадают вдали. День разгорается, и судов становится все больше. Одни из них огромные, это океанские лайнеры, они четко различимы; другие — маленькие, настолько маленькие, что кажутся точками. Большинство кораблей следуют по своему собственному курсу. Но скоро вы начинаете замечать, что некоторые движутся по невидимым фарватерам. Отдельные суда почти касаются друг друга бортами, прежде чем их пути разойдутся. Иногда происходят столкновения, другие кораблики спешат на помощь к потерпевшим крушение, экипажи пересаживаются к ним на борт. А вот суденышко налетает на риф и погружается на дно, не оставив после себя никаких следов. Какие-то кораблики мгновенно исчезают, накрытые огромной волной.

На невидимых постороннему глазу фарватерах волнение никогда не замирает, а суденышки идут одно за другим. Поэтому на поверхности воды постоянно образуются разнообразные рисунки, узоры, которые все время меняют свой облик вследствие непрерывного движения судов. Неожиданно вы замечаете, что некое судно, уклоняясь от волн, преследует другое. Неподалеку несколько маленьких лодочек буксируют весьма солидное «плавсредство». Но все корабли стремятся дальше, к горизонту, двигаясь в соответствии с существующим у них планом. Этот день тоже приближается к концу; ближе к вечеру фарватеры начинают пустеть, и последние кораблики пропадают из виду в лучах заходящего солнца. Последнее, что вы замечаете, — на судах вспыхивают огни, и ориентироваться там начинают, очевидно, по звездам. Вы не знаете, откуда приплыли эти корабли; вам неизвестна также причина, побудившая их отправиться в путь. Наконец и они растворяются в темноте, и зеркальная гладь моря под вами снова неподвижна. Можно оставить свой наблюдательный пост. Перед тем как выйти из вертолета, воскресите в памяти все, что вы видели, зависнув над парком и над морем. Вспомните и тех людей, которые шли по асфальтированным аллеям, и тех, которые сворачивали на тропинки. Задумайтесь о тех, кто исчез в зарослях кустарника. Представьте себе кораблики в море, вспомните маршруты их движения и рисунок, образуемый волнами. В какое-то мгновение картинки накладываются одна на другую, и вы видите, что, собственно говоря, лодки тоже передвигались по некоему парку. А теперь распрощайтесь с вертолетом и возвращайтесь к обыденной жизни.

Образ вертолета, зависшего сперва над парком, а затем над морем, будет символизировать фундаментальную задачу, которая встает перед теми, кто пытается изучать общество. Парк — это символ того, что в социологии именуется социальной структурой общества, или, если короче, общественной структурой. Общественная структура — это

организация общества, своего рода канва, заранее установленный порядок, точно так же, как аллеи и тропинки, пруды, деревья и газоны образуют канву парка, или его план, если вы смотрите на этот парк сверху. Со своего наблюдательного поста в вертолете вы разглядывали этот рисунок еще до того, как в парк пришли посетители; вы продолжали его наблюдать и после того, как последние прохожие ушли. Люди, пришедшие в парк, воспринимали его как некий заранее установленный порядок — аналогичным образом человечество воспринимает социальную структуру общества. Большинство пришедших в парк двигались по асфальтированным аллеям, символизирующим то, что в социологии называется социальными институтами. Примерно так же, как можно представить парк в виде канвы, образованной аллеями и тропинками, можно представить и общество в виде канвы из социальных институтов. Основные институты общества — те «аллеи», по которым идет большинство людей, однако имеются менее значительные группы тех, кто «выбирает тропинки». И подобно тому как в парке встречались посетители, топтавшие клумбы, в обществе есть люди, «спотыкающиеся на ровном месте». Это явление в социологии называется отклоняющимся поведением, и во множестве как теоретических, так и прикладных исследований содержатся попытки объяснить, почему люди определенного сорта непременно будут «вытаптывать клумбы». Однако, важно заметить, что «отклоняющееся поведение» является «отклоняющимся» на фоне «нормального» и, следовательно, отклонения изначально заложены в общественные структуры. Без одного нет другого.

В парке были и такие, кто не только не удовлетворился прогулкой по ранее проложенным тропинкам или даже вытаптыванием клумб, а ринулся в непролазный кустарник. Они не признали существующую канву парка и пошли туда, откуда впоследствии нельзя будет выйти. Возможно, они пытались найти кратчайший путь или протоптать новые дорожки, которые — если следом двинутся другие люди — со временем превратятся в широкие асфальтированные аллеи. Посетители парка будут гулять по ним и думать, что эти аллеи были всегда. В таком случае, возможно, прежние аллеи начнут зарастать и вскоре станут непроходимыми. Феномен «протаптывания тропинок» и «зарастания аллей» в социологии обозначается термином социальные изменения. Социальные изменения довольно сложно объяснить с помощью понятия общественной структуры, так как последняя в ближайшей временной перспективе может считаться такой же стабильной, как и структура парка. Поэтому возникает вопрос, почему отдельные индивиды упорно искали кратчайший путь или хотели «протоптать новые дорожки», т.е. создать новые возможности, ранее не существовавшие в социальной

структуре. В связи с этим следует рассматривать общественную структуру в диахронической перспективе, т.е. считать ее исторически изменяемой. Обычно социальные структуры рассматривают синхронически, как они возникают и функционируют в ближайшей, непосредственной временной перспективе. В этом случае социальная структура представляется как некий самовоспроизводящийся стабильный порядок, который поддерживается с помощью социального контроля, осуществляемого людьми друг над другом. Наличие этого контроля приводит к тому, что дозволенные и запрещенные пути, возможные и невозможные направления движения отделяются друг от друга и большинство людей продолжает идти по «асфальтированным аллеям».

Картина поведения посетителей парка является своею рода моделью и характеризует то направление в социологии, что изучает общество независимо от тех или иных основополагающих образцов поведения, которых отдельный человек придерживается в течение своей жизни. При этом в первую очередь абстрагируются от того, почему индивид выбирает какой-нибудь образец поведения, установленный коллективом. Такой подход называется структуралистским направлением социологии и является, вероятно, одним из наиболее значительных. Основная идея его состоит в том, что общество лучше всего изучать в виде стабильной социальной структуры, отдельные социальные институты которой .по частям дают нам информацию о людях, живущих в данное время. Отдельный человек не может протоптать своей особой дорожки вне существующих общественных структур. Поэтому каждый отдельный человек, независимо от его места в этой системе, более интересен как часть общей картины, даже если сам он считает себя выше ее. Люди не могут или не желают жить вне социальных связей, поэтому жизнь каждого человека осуществляется как процесс выбора направления на перекрестках, предложенных ему обществом. Большинство выбирает прямую широкую дорогу, не задумываясь особенно о том, что скрывается в зарослях. Иных, возможно, и разбирает любопытство, но отпугивают острые колючки.

Другой образ, «корабли в море» символизирует восприятие человека как творца своей собственной жизни. Здесь нет видимых глазу путей, однако каждое судно знает, как определить свое направление движения. Это символ человека, обладающего свободой воли. Мы, по выражению Ж.-П. Сартра, «приговорены к свободе». Если мы считаем, что наша жизнь должна идти по определенному пути, пути, заданному извне, значит, мы выбрали несвободу, выбрали отсутствие выбора. Оправдывать нацистских палачей тем, что они «только подчинялись приказам», — значит отрицать их моральную ответственность, присущую каждому

свободному человеку: даже перед угрозой расстрела можно выбрать — жить дальше или нет, и при этом отвечать за свой выбор.

В приведенном примере, таким образом, отправным пунктом являются свобода человека и его ответственность за свою (и чужую) жизнь. Это так называемое экзистенциалистское ^направление социологии, где общество всегда рассматривается как результат поступков отдельных индивидов, обладающих свободой выбора. В сущности, вне человека нет ничего такого, что принуждало бы его действовать тем или иным образом, также общество в целом должно признавать выбор человека присущим его индивидуальной экзистенции. Точно так же, как спокойно зеркально гладкое море, социальные структуры «пусты», если не появляются люди, оставляющие за собой «след». Можно заметить, что подобно тому, как большинство кораблей плыли по морю, следуя по определенным фарватерам, большинство людей проживает свою жизнь весьма упорядоченно и относительно предсказуемо. Экзистенциалистски настроенный исследователь должен поэтому суметь объяснить наличие социальной канвы. Если мы опускались на вертолете ближе к поверхности моря, то замечали, что в глубине есть скрытые отмели и впадины. Аналогичным образом можно отыскать определенное количество «скрытых причин», порождающих разнообразные стабильные общественные устои. Для всех людей важным является существование некоторого количества «социоматериальных» факторов, окружающих нас в повседневной жизни и сильно влияющих на нашу теоретическую свободу. Это главным образом «преобразованная материя», начиная с жилья, одежды, автомобилей и стереоаппаратуры и кончая индустрией развлечений, компьютерными терминалами и кожаными креслами. В том, что из этого может быть создано, всегда присутствует определенное намерение, намерение, в значительной степени определяющееся возможностями. Если строится дом, в котором большинство квартир многокомнатные, тем самым облегчается существование больших семей, но при совместном проживании возникают свои сложности, подобные проблемам, возникающим на автострадах, хотя последние строились именно для того, чтобы ездить быстро. Человек поэтому может рассматриваться как «результат своих собственных результатов» (Сартр), и поэтому на каждую человеческую жизнь влияет повседневный выбор, тысячекратно совершаемый другими людьми. Можно сказать, что мы живем в «социоматериальной структуре», которая совершенно очевидна для всех нас, даже если мы ее и не воспринимаем подобным образом.

Мы можем также «посмотреть вверх» и заметить, что человечество ориентирует свой жизненный путь еще и по солнцу и звездам. Насколько нам известно, человек — единственное существо, которое осознает, что

живет один раз и не всегда будет существовать. Он является единственным экзистенциалистски мыслящим существом, знающим, что смерть неизбежна. Это своего рода «экзистенциальное обрамление» нашей жизни, когда ощущение своего «бытия» и предчувствие «небытия» может стать причиной отчаяния и тем самым побудить нас искать смысл жизни. Если же мы, как выразился другой экзистенциалист, «заброшены в мир без какого бы то ни было смысла или цели», то мы обязаны создать себе сами цель, не существовавшую до нас. Поэтому мы рассматриваем жизнь как «сумму проектов», мы загадываем наперед, что-то планируем, ставим перед собой цели, которых хотели бы достичь. И цель, и средства ее достижения могут придать нашей жизни смысл. В то же самое время мои проекты собственной жизни переплетаются с судьбами других людей, а те в своих проектах, наверное, соотносят себя с другими. Когда достаточно много людей создает одинаковые или сходные проекты, возникают социальные институты. Семья, принадлежность к религиозному течению или спортивные пристрастия могут служить примерами проектов, создающих цели, но придать жизни определенное содержание могут и такие важные житейские вещи, как работа и деньги. Мы можем тогда закрыть глаза на вопросы типа «откуда и куда» и ограничить свой кругозор непосредственно наблюдаемым пространством. Поэтому общество может представляться и как своего рода результат наших попыток найти свое место в бытии и как сумма наших (необходимых) жизненных обманов. Следовательно, социальная структура во многом условна и перегружена человеческими условностями. Она всегда является результатом целеполагающей активности человеческой мысли, — это относится также и к исследователю общества, способному освободить разнообразные социальные феномены от этих условностей. Точно так же, как в процессе движения судов складывалась особая картина морской поверхности, так и общественные структуры формируются из человеческих стремлений (как индивидуальных, так и коллективных) к жизненным горизонтам. При таком понимании изучение общества в первую очередь означает изучение человечества как суммы индивидуальных экзистенций и, кроме того, анализ образованной ими общей картины, оставленных ими напластований и следов. Экзистенциалистский анализ общества (и другие близкие к нему направления) в течение долгого времени был гораздо менее распространен в социологии, чем структуралистский подход. Но в последние десятилетия постановка структуралистами проблемы понимания человека дала повод для оживленных дебатов о соотношении «индивида» и «общества» или «действия» и «структуры». Раньше эти столь разные направления сосуществовали параллельно, а

теперь все чаще ставится вопрос об их взаимодействии. В этом смысле можно сказать, пользуясь приведенными метафорами, что современная социология все в меньшей степени изучает общество как структурированный «парк» или как «зеркальную гладь моря с плывущими по ней кораблями». Картинки в значительной мере наложились одна на другую, и изучение общества все в большей мере становится изучением модели «лодки на аллеях парка».

2. Что может социология

К сожалению, на вопрос, вынесенный в заголовок, не найти простого и однозначного ответа. В последние годы я, как преподаватель данного предмета, все чаще сталкивался с вопросами типа: «Какую пользу я (студент) могу получить от социологии?» Под словом «польза» зачастую подразумевалась «возможность получить хорошую работу». В прежние времена чаще интересовались тем, какую «пользу» приносит социология обществу, и в зависимости от вашего понимания самого общества и подхода к предмету, можно было ответить: «О, огромную!» или: «Решительно никакой!» Разница в формулировке вопроса отражает те реальные изменения, что в Прошедшие годы претерпело как само общество, так и характер образования. Свою роль сыграли реформы системы образования в Швеции, среди которых особое место занимает реформа высшей школы 1977 года, положившая начало четкой направленности профессионального образования. Внутри разделов социологии, изучающих как раз взаимоотношения между (высшей) школой и обществом, сложилось мнение, что главная задача университета в обществе — обучение молодых людей особым профессиям и лишь второстепенная — приобщение студентов ко всеобщему стандартному уровню просвещения. Такая трактовка проблемы была даже вынесена в заглавие одной докторской диссертации по социологии, анализировавшей развитие деятельности университетов с исторической точки зрения: «От просвещения к образованию». Можно сказать, что высшая школа в значительной степени «привязывается» как к экономическим, так и к политическим отношениям в обществе, причем привязывается к ним все жестче. Воспользовавшись метафорой из предыдущей главы, можно сказать, что специализация образования все больше напоминает сеть тропинок в парке, именуемом обществом, а не зеркальную гладь моря. Именно для социологии в подобном ходе событий заключались определенные проблемы, поскольку нет какого-либо официального названия профессии, которую приобретают студенты по окончании учебы. Несколько лет назад Шведский союз социологов попробовал ввести звание «дипломированный социолог», но попытка закончилась

неудачно. Можно, наверное, поставить себе цель стать преподавателем или ученым, но число рабочих мест для преподавателей весьма незначительно, а средства для научных исследований ограничены. Изучение социологии не придает большой уверенности соискателю на рынке труда и поэтому влияет на общий кругозор студента, делая его более широким, чем у специалистов в других областях.

Предмета с таким никудышным (или замечательным, в зависимости от того, как на это посмотреть) содержанием в его первоначальном варианте теперь уже не существует. Преимущество социологии заключается в том, что она является как общественно-научной, так и научно-практической дисциплиной. Предметом изучения являются не только всеобъемлющие общественные структуры, но и люди как индивидуальные экзистенции. Поэтому студент, изучающий социологию, может с равным успехом искать свое призвание в таких профессиях, как теоретик социологии и эксперт, и в таких «человечески контактных» профессиях, как администратор по кадрам, социальный работник или специалист по работе с лицами «отклоняющегося поведения». Изучение введения в социологию обязательно для многих специализаций, где основной дисциплиной является какая-либо другая наука, например психология. Возможны самые разные взаимные контакты, и польза от социологии может быть очень значительной. Иногда это всего лишь пятинедельный вводный курс; но подчас он продолжается всю жизнь, заставляя заниматься сложнейшими сопутствующими общественными, социологическими и философскими проблемами. В первом случае польза может выражаться в виде пятерки в зачетке, а во втором может состоять в наполнении своей жизни осмысленным содержанием.

Но есть также польза иного рода, которая в значительной степени связана с социологией, понимаемой в более широком плане, чем просто учебный предмет, а именно с образовательным аспектом исследований. Можно сказать, что существует социологическое представление о человеческом способе проживания своей жизни и об общественных институтах. Это представление основано на том, что нет людей, живущих подобно свободно колеблющимся атомам, в некоем социальном вакууме. Точно так же, как кораблям в море нужно согласовывать свои маневры друг с другом, так и членам общества надо соотносить свои жизни с другими. При такой перспективе ясно видно, что люди полностью «свободны» лишь на первый, самый поверхностный взгляд. За свободой скрываются влиятельные социальные силы и реально существующие институты, воздействующие на нас. Но ясно также и другое: эти силы и институты являются все-таки только социальными силами и институтами, т. е. они созданы людьми, продолжают существовать благодаря людям и отмирают, когда люди перестают ими

пользоваться. В социологической перспективе нельзя индивидуализировать человека, но нельзя также и овеществлять социальные структуры.

Относительность свободы индивида и жесткости общественных структур не означает, что подходы типа «индивид свободен» или «общество не должно оказывать влияния...» не интересны в социологическом плане. Напротив, многие исследователи анализировали и причины, и последствия возникновения индивидуалистической культуры столь же успешно, как и жесткие структуры, сохраняющиеся в обществе.

Человеческие представления о себе самом и об обществе являются важной областью социологических исследований. В то же время это всего лишь часть научных представлений, поскольку для социолога общество не может быть сведено к сумме мнений всех его членов. Иначе можно было бы провести с помощью компьютерной техники гигантское обследование, и вся извлеченная из анкет правда выплеснулась бы на экраны дисплеев. Разумеется, находились ученые, полагавшие, что именно так и должна проводить исследования социология, но на сегодняшний день это всего лишь одно из многих существующих мнений. Какую же пользу можно в таком случае извлечь, рассматривая людей и общество с релятивистских позиций? Можно сказать, что социологическая перспектива вносит свой оттенок в общую картину ответа на фундаментальный вопрос о том, как и зачем мы живем. Это весьма таинственная область для того, кто хочет исследовать действительность, и в частности социальную действительность, в которой мы, люди, живем — в точке пересечения нашей индивидуальной экзистенции и коллективной жизни. Может показаться, что досконально исследовать эту точку пересечения — бессмысленная или тщеславная затея, но вовсе не обязательно заходить так далеко. Польза социологи!* состоит в установлении более широкого взгляда на вещи, характерного для критического, аналитического способа определения правил игры. Разумеется, существуют и другие мыслительные системы, и нет никаких гарантий, что социологическая перспектива «лучше» других моделей действительности. Многие люди основывают свое мировоззрение на иных мыслительных категориях, например на представлениях о человечестве, почерпнутых из бульварных газет или астрологических прогнозов. Но социология является научным мировоззрением, требующим выяснения «истины» об обществе. Обычно исходят из того, что социологи сообщают нечто более «истинное», чем астрологи или иллюстрированные еженедельники. Но так ли это на самом деле — предмет споров, и зачастую даже между самими социологами. Как бы там ни было, в настоящее время социология — институционализированная общественная наука, и это порождает

соответствующее общественное мнение — большинство, во всяком случае, верит в то, что выводы социологов истинны. Это может придать определенный престиж обсуждению социальных вопросов, но в то же время может возникнуть впечатление, что чрезвычайно легко стать специалистом в области, где «научные вопросы» излагаются «ненаучно».

Социология, таким образом, есть институционализированная общественно-научная дисциплина, являющаяся частью нашего общества. В то же время это наука, исследующая общество, наука, в которой общество выражает самое себя. В мире иллюстрированных еженедельников или в мифе о свободном индивиде также отражаются общественные отношения, но они не отражают ничего, кроме самих себя, в отличие от того, что делает или должен делать социолог. Речь идет не только о недопустимости «созерцания собственного пупа», но и о необходимости рассматривать самого себя в качестве члена общества, чтобы избавиться от деления последнего на две части: одна часть — это мы, изучающие общество, а другая — те, кого мы изучаем. Проблемы, возникающие внутри общества, затрагивают также и нас. Польза, которую в данном случае приносит изучение социологии, это способность лучше понять функции науки и научного работника в обществе. Это и было основной задачей социологии сразу после ее возникновения как науки — попытаться выявить преобладающие в обществе идеологии; причем сами социологи должны быть предельно внимательны, чтобы не создать какие-нибудь новые.

Социологи изучают не только самих себя. Напротив, большинство из них изучает «других», к примеру, в рамках их производственной деятельности (преимущественно в промышленности), в школе, в детском саду, в семье, в различных организациях, а также государство в целом, «отклоняющиеся группы» и т.д. Зачастую изучаются также связи между двумя или несколькими институтами общества. В последнее время многие предпочитают специализироваться в какой-нибудь конкретной области. Можно сделаться, например, экспертом по проблемам домохозяек или по вопросам свободного времени. Во многих случаях специалистам такого рода проще будет найти работу, чем «социологу вообще».

Современная наука с момента своего возникновения — несколько сот лет назад, — придерживается «критического подхода» по отношению к тому, как знание добыто, и подобный критический подход составляет самоочевидную часть, социологического знания. Часто возникает соблазн «социологизировать» человеческое бытие, так чтобы последнее казалось управляемым исключительно социальными силами. Одна женщина — профессиональный социолог — рассказывала, какие

трудности возникли у нее в процессе исследования потребности в детских садах в различных районах крупного города. Администрация общины, которая была заказчиком данного исследования, полагала, что достаточно всего лишь провести учет количества детей дошкольного возраста; однако у социолога была идея, что нужно исходить из социальной стратификации, т.е. исследовать возникающие различия в отношении к детским садам в зависимости от уровня образования жителей. В соответствии с теорией неравного доступа к возможностям у различных социальных групп, исследовательница полагала, что потребность в детских садах должна быть выше в районах, где скученность и низкий жизненный уровень были обыденным явлением. Другие, более привилегированные группы должны были, по мнению ученого, сами справляться с воспитанием детей. Так как детские дошкольные учреждения должны были, по идее, сглаживать социальные различия, община приступила к строительству детских садов в местах, указанных социологом. Когда садики были построены, оказалось, что возникли проблемы с их заполняемостью, поскольку (как показало следующее исследование) члены низших слоев общества весьма негативно отнеслись к возможности оставлять своих малышей в детском саду. Все очень просто — они боялись контроля над собой и считали, что власти способны за ними следить. Таким образом, хотя социолог и подошла к делу с самыми лучшими намерениями, она не учла, что эти аутсайдеры — тоже люди, которые пытаются выжить, исходя из своих собственных представлений. Они вовсе не считали, что общество настроено доброжелательно по отношению к ним. Люди зачастую бывают настроен! и противоречиво, и парадоксально, и, как правило, учесть это довольно трудно, особенно в масштабных исследованиях. Социологический портрет человека может оказаться во много раз более абстрактным, чем в статистических исследованиях. Поэтому нужно осознавать ограниченность средств социологии у — особенно тем студентам, которые в дальнейшем своими исследованиями смогут воздействовать на жизни других людей. Но это сложная задача. Те, кто принимают решения, едва ли захотят получить обоснование для своих затей типа «с одной стороны... с другой стороны...». Они желают быть уверенными в объективности научного знания и зачастую избегают излишних сложностей. Большинство специалистов-социологов могут столкнуться с подобными проблемами. Социология применима внутри официальных органов, различных институтов и организаций, независимо от того, хотят этого власти или нет, думают об этом хорошо или плохо те или иные представители. В этом смысле социология — «протоптанная тропинка», где практики резонно требуют от научных знаний полезности

и применимости, чтобы иметь возможность наилучшим образом управлять обществом, институтом или организацией. Многие социологи балансируют на грани, пролегающей между предметом как социально-реформаторской наукой и независимой социальной действительностью. Поэтому социология не может оставить в стороне вопрос о том, какую пользу можно извлечь, изучая исключительно частные проблемы. На первых порах обучения, во время «введения в предмет», подобный вопрос, наверное, поставить вполне уместно. Однако впоследствии хорошо заметно, что по ходу обучения модель изменяется, студенты как бы «поднимаются над исследуемым объектом на вертолете» и начинают видеть проблему более широко. Они понимают, что сами относятся и принадлежат к особому социальному институту, который определенным образом используется и имеет вполне определенные функции. Можно также заметить, что соответствие университетского образования будущей профессиональной деятельности, на которое была нацелена реформа высшей школы, при ближайшем рассмотрении оказывается гораздо более неопределенным, чем это кажется на первый взгляд. Многие, в том числе и социологи, пытаются предсказывать будущее; но социология учит нас, что будущее в принципе не может быть описано. Поэтому будущий социолог никогда не сможет ответить на вопрос, каким образом он должен будет использовать свои знания. Образование лишь предлагает ему некую карту области возможного будущего применения. Однако можно также руководствоваться лозунгом одной копенгагенской газеты, всегда украшающей ее первую страницу: «Не бойся биться головой о стену. Кто поручится, что стена уцелеет?» Конечно, здесь уместен встречный вопрос: «Кто поручится, что уцелеет голова?» — тем самым открывается возможность более глубокого изучения данной проблемы. В этом, наверное, и заключается главный шарм социологии — она учит нас не столько брать, сколько отдавать. Что изучать в дальнейшем и как затем реализовать — проблема, являющаяся звеном в непрерывной цепи, которой представляется жизнь общества. Поэтому определите, по крайней мере сами для себя, что вы хотите получить от использования своих знаний как социолог, однако в существующей институционализированной области их применения вы сможете выбрать одно из двух: уйти или остаться.